

ЕВГЕНИЯ АНДРЕЕВНА ДОЛГОВА

Кандидат исторических наук,
доцент Российского государственного
гуманитарного университета,
Москва, Россия
e-mail: medievalis@list.ru

УДК: 655.4(47)“1917/1922”

DOI: 10.24411/2079-0910-2019-13001

Научное знание в революцию: издательства и книги на рубеже 1920-х гг.

В статье анализируется изменение характера и способов презентации научного знания в первые послереволюционные годы. Статистический анализ научных публикаций за период 1917–1922 гг. по опубликованным данным Российской центральной книжной палаты позволил охарактеризовать динамику научного книгоиздания, распределение научных публикаций в территориальном (Москва — Петроград — провинция), дисциплинарном (общественные, гуманитарные, прикладные, точные науки), тематическом (психологические, исторические, философские, экономические, анти/религиозные и пр.), социальном (ведомственные, научные, научно-популярные, учебные, справочные и др.) и некоторых других разрезах. Выдвигается гипотеза, что публикационная активность издательств, реализуемая ими, с одной стороны, в условиях ограниченности типографских тиражей и бумажного «голода» эпохи Военного коммунизма и, с другой стороны, государственного регулирования — цензуры и субсидирования научных исследований — приобрела особые, специфические черты. В исследуемый период тесно переплетались общественная просветительская инициатива, государственная политика и фактор читательского запроса. Увеличение роли научного и научно-популярного книгоиздания в общем удельном весе книг, а также их тематические и дисциплинарные приоритеты свидетельствуют о трансформации роли науки, ее обращении к читательской аудитории, с одной стороны, и о продолжении дореволюционных просветительских тенденций, с другой. Приобретение наукой публичного характера влекло за собой изменение роли ученого и характера его взаимодействия с аудиторией.

Ключевые слова: книгоиздание, научные публикации, издательства, субсидирование, просветительские инициативы.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 17-78-10202.

Введение

Период второй половины 1910-х — начала 1920-х гг. представляет собой информационную лагуну в истории отечественного научного книгоиздания. В 1914 г. прекратилась публикация сборников «Статистика произведений печати, вышедших в России в <...> году»; ведение же статистики в государственном масштабе было возобновлено только с учреждением Российской центральной книжной палаты. При этом именно в указанный небольшой хронологический отрезок произошло

изменение характера и способов презентации научного знания, в более узком смысле — научной печати. С одной стороны, перемены были обусловлены конкретно-историческими текущими обстоятельствами (отторжением ряда территорий и научных центров, «бумажным голодом» и ограниченностью типографских тиражей, снижением активности и закрытием частных и кооперативных издательств). С другой — они соотносились с более широкой тенденцией: утверждением принципа государственного регулирования науки (этот процесс проявился в деформации характера книгоиздания: появлении новых форм организации книжного дела, адаптации авторов и издателей к политике государственного регулирования науки). И хотя период является одним из самых трудно восстанавливаемых в документальном плане, его исследование необходимо для понимания сути и динамики изменений формы, тематики и языка взаимодействия автора и читательской аудитории.

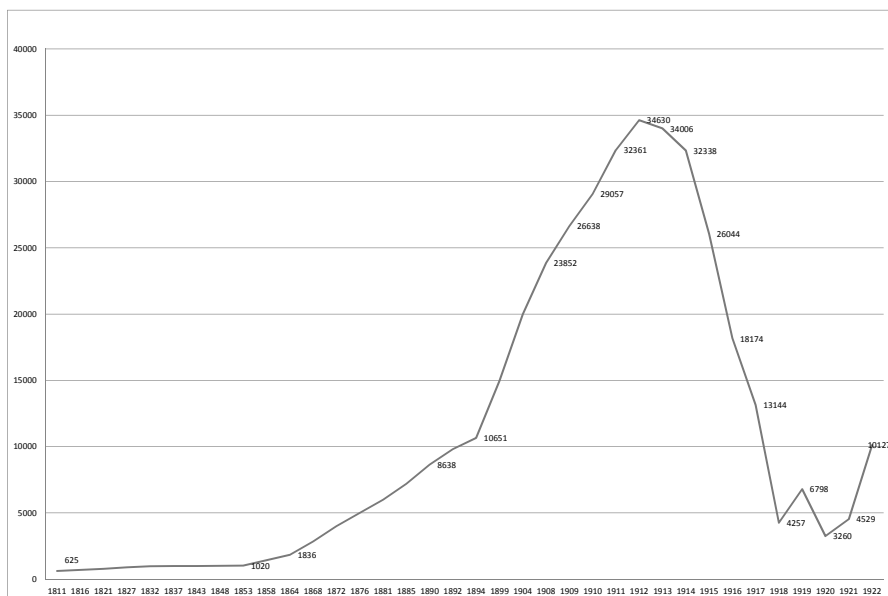
Важность заполнения информационной «бреши» за исследуемые годы была осознана уже современниками. В 1922 г. Российской центральной книжной палатой были собраны некоторые статистические данные, отражающие количественные и качественные характеристики отечественного книгоиздания. При этом сразу обнаружилось одно из статистических ограничений — выявить тиражи в условиях политических событий рубежа 1920 — начала 1920-х гг. не оказалось возможным. Вследствие этого за единицу расчетов была принята печатная единица — название книги. Тот факт, что имеющиеся данные относились к изданию только научных книг, характеризует еще одно ограничение подсчетов. В исследуемые годы в связи со сложностями книгопечатания авторы пользовались возможностью публиковать свои работы не как отдельные книги, а в виде циклов статей в периодических и продолжающихся изданиях (например, [Кареев, 1918]). К сожалению, выявить и статистически обработать эти произведения, а также сведения по отдельным научным статьям в периодике за указанный период практически невозможно. Наконец, третьим ограничивающим статистические подсчеты моментом является фактор физической утраты рукописей. В период Первой мировой войны и постреволюционных лет прекратили свою деятельность многие издания и издательства (например, «Вестник Европы», «Ежемесячный журнал науки, литературы и общественной жизни», «Нива», «Русское богатство»). Их закрытие сопровождалось потерей авторских материалов; к тому же трудности с публикацией книг нередко приводили к затягиванию издательского процесса. В связи с этим количественные подсчеты, безусловно, лишь отражают некоторые тенденции, но не исчерпывают перечень написанных в те годы научных работ.

Учитывая эти ограничения, приведем некоторые статистические данные, которые удалось выявить в опубликованных и неопубликованных, отложившихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), документах Информационного центра Российской центральной книжной палаты и Госиздата. Неопубликованная документация дала количественные сведения о научных публикациях, динамике книгоиздания за период 1917–1922 гг. Анализ научных публикаций по опубликованным данным Российской центральной книжной палаты позволил охарактеризовать качественные характеристики научного книгоиздания: распределение научных публикаций в территориальном (Москва — Петроград — провинция), дисциплинарном (социальные науки, прикладные науки, точные науки), тематическом (психологические, исторические, философские, экономические, анти/религиозные и пр.), социальном (ведомственные, научные, научно-популярные, учебные, справочные и др.) и некоторых других разрезах.

Общая динамика книгоиздания в 1914–1922 гг.

Прежде всего, охарактеризуем общую динамику книгоиздания за 1914–1922 г. Количественные характеристики графически отражены в графике 1.

График 1. Количество книг, вышедших в России с 1811 по 1922 г.: 1922 г.

Источник: [Статистические материалы, 1924, с. 15–20].

Как видно из графика, максимум издания книжной продукции пришелся на 1912 г. — в этот год журналом «Книжная летопись» было зарегистрировано 34630 названий. Немного понизившись в 1913 г., кривая с 1914 г. начала стремительно падать, ее снижение замедлилось лишь в 1920 г. на показателе 3260 названий. Однако следует учитывать, что динамический анализ данных двух хронологических точек — 1912 и 1920 гг. — невозможен: если за 1912 г. приведены данные в границах книгоиздания Российской империи, то к 1920 г. были отторгнуты многие научные центры — Киев, Варшава, Вильно, Ревель, Рига, Тифлис (в 1912 г. они обеспечивали 22 % книжной продукции); кроме того, статистика поступала крайне неравномерно от окраин бывшей империи. По факту, статистической обработке оказался подвергнут только комплекс книгоиздания в границах Центральной России (позднее РСФСР). Однако даже с этими данными, например за период 1918–1919 гг., следует быть осторожными, поскольку новые издания в эти годы доставлялись в Российскую центральную книжную палату чрезвычайно неаккуратно. Правильная регистрация новых изданий начала налаживаться только с конца 1920 г.

Детализировать график 1 за пореволюционные годы позволяют обрывочные статистические данные Информационного центра Российской центральной книжной палаты, содержащие сведения о вышедших в России книгах с 1914 по 1922 г. (табл. 1). Ценным представляется предпринятое составителями обособление книжной продукции от произведений нетрадиционной печати для периода

1918–1921 гг. — многочисленных листовок, воззваний и пр., значительно «раздувающих» объем книгоиздания.

Таблица 1. Справка о вышедших в России книгах за 1918–1921 гг.: 1921 г.

Годы	Число названий	Из них:
1914	32 388	н/у
1915	26 044	н/у
1916	18 174	н/у
1917	13 144	н/у
1918	5326	Книг 3050, остальные 2276 названий — листы, воззвания и пр.
1919 ¹	7268	Книг 3138, остальные 4130 названий — листы, воззвания и пр.
1920 ²	4868	Книг — 2165, остальные 2703 названия — листы, воззвания и пр.
1921 ³	18 459	Книг — 5030, остальные 13 429 названий — листы и т. п.

Источник: расчеты автора на основе: Положение, протоколы заседаний, отчеты, распоряжения, справки, списки сотрудников и другие материалы о деятельности Российской центральной книжной палаты, 6 февраля — 11 октября 1922 г.⁴

Приведенные цифры позволяют установить общий объем и динамику книгоиздания. Они в целом соотносятся с графиком 1, уточняя его. Например, видно, что период 1914–1917 гг. характеризовался плавным, инерционным снижением книгоиздания в силу экономических факторов («удорожанием» печати) и «бумажного голода». Резкий провал зафиксирован в 1918–1920 гг.: он связан и с происходящими политическими событиями, и с отторжением территорий, и с фактическим прекращением статистического учета. Рост книгоиздания возобновился в 1921 г., с началом НЭПа — времени активизации частных и кооперативных издательств.

Установив количественный рост книжной продукции, обратимся к ее качественным характеристикам. Ответим на вопрос: где, в каких издательствах преимущественно публиковались книги?

Таблица 2. Средний объем и тираж изданных книг: 1922 г.

Место издания	Объем (в страницах)			Место издания	Тираж		
	Госиздат	Ведомственные и партийные	Частные и кооперативные		Госиздат	Ведомственные и партийные	Частные и кооперативные
Москва	151	49	76	Москва	12349	3758	7899
Петроград	154	78	100	Петроград	5758	2027	4316
Провинция	80	41	47	Провинция	5598	1555	1848
По РСФСР	132	78	70	По РСФСР	9130	2574	5476

Источник: [Статистические материалы, 1924, с. 34].

¹ По данным за восемь первых месяцев.

² По данным за пять последних месяцев.

³ По данным за одиннадцать первых месяцев.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-395. Оп. 9. Д. 27. Л. 1 об.

Как показывает табл. 2, центром книгоиздания была Москва: именно на московские издательства приходилась большая часть тиражей. В основном они реализовывались через типографии Госиздата, на втором месте находилась печать частных и кооперативных издательств. Особенно активно публикаторская деятельность последних осуществлялась в Петрограде. Ведомственные и партийные издательства лидировали в Москве — новой, «революционной» столице советского государства. По объему изданной литературы наиболее «толстая» книга издавалась в Петрограде: от него существенно отставали по книгопечатному объему Москва и провинция.

Однако какой удельный вес в этом объеме книгоиздания занимала научная книга?

Социальное распределение книгоиздания

Таблица 3 иллюстрирует социальный разрез книгоиздания: а именно, кому была адресована издаваемая литература. По назначению Книжной палатой выделялась ведомственная, научная, художественно-литературная, научно-популярная, политическая, учебная, справочная, детская литература. В общем объеме книгоиздания нас будут интересовать научные, научно-популярные, учебные книги.

Таблица 3. Распределение книг по типам в социальном разрезе: 1922 г.

Тип книги	Количество томов	% от общего числа
Ведомственные	3 179	40,6
Научные	1 055	13,4
Художественно-литературные	997	12,7
Научно-популярные	869	11,0
Политические	666	8,5
Учебные	561	7,1
Справочные	321	4,1
Разные	106	1,4
Детские	86	1,1
Итого	7 843	100

Источник: [Статистические материалы, 1924, с. 34].

Графически данные дублирует диаграмма 1.

Как показывают таблица 3 и диаграмма 1, научная книга в 1922 г. составляла 13,4% от общего объема книгоиздания, приближаясь по своему показателю к художественной литературе. Был велик и удельный вес научно-популярных изданий (11%). Доля учебной литературы составляла 7,1%. Суммарно эти три группы изданий занимали значительное место в книгоиздании — более 30%, в количественном отношении превышая удельный вес беллетристики и почти приближаясь к ведомственным изданиям — многочисленным изданиям партийной печати того времени. Такое статистическое соотношение — как минимум, научных текстов и художественной литературы, — безусловно, вызывает вопросы.

Диаграмма 1. Распределение книг по типам в социальном разрезе: 1922 г.

Источник: [Статистические материалы, 1924, с. 15–20].

На наш взгляд, статистика косвенно указывает на то, что в исследуемый период читательский рынок фактически не оказывал влияния на наполнение книгоиздания. Корректировали его характер другие факторы — централизация книжного дела на основе принципа финансового субсидирования; угасание деятельности частных и кооперативных издательств, их зависимость от государственных кредитов и поставок бумаги, необходимость согласования ими издательских программ и планов с Госиздатом (который административно являлся одним из управлений Наркомпроса) на предмет утверждения и выработки решений относительно очередности изданий. В основе механизма регуляции лежала прагматическая составляющая: выдача субсидий и поставка бумаги осуществлялись на основе оценки Госиздатом программ деятельности издательств и их издательских планов. Так, например, в фонде одного из «старых» издательств — М. и С. Сабашниковых, специализировавшегося до 1917 г. на издании естественно-научных и историко-литературных книг — в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки сохранился договор от 1920 г. о поставке бумаги и субсидировании на 5 млн руб, заключенный между Государственным издательством и этим издательством. В нем содержалось положение о том, что «государственное издательство заказывает <...> книги по представленному ими [Издательством] списку, причем в первую очередь они обязуются

подготовить к печати и издать книги, выделенные в прилагаемый список». Государственное издательство было вправе изменять намеченный список, а также исключать из своего заказа те или другие книги, вошедшие в издательскую программу⁵.

Высокий удельный вес научной и научно-популярной литературы, ее близость объему ведомственной печати подтверждает суждение о специфичной черте исследуемого периода, отмеченное в историографии. В эти годы особый импульс получила задача популяризации научных знаний: она оказалась вписана в прагматическую политику государства, логично продолжив при этом дореволюционную традицию общественных и интеллектуальных инициатив [Andrews, 2003, p. 35]. Во-первых, замещение религиозного мировоззрения упрощенной версией научного, материалистического мировоззрения было положено в основу концепции «воспитания» нового человека, освобожденного от религиозных предрассудков, хотя и наделенного новой формой верований — абсолютной верой в науку. Во-вторых, нужды армии и индустриализация требовали технически подготовленной и образованной рабочей силы, готовой принять технократическую идеологию [Абрамов, 2013, с. 161–177]. Безусловно, большое значение для распространения научно-популярных текстов играл и читательский интерес к науке — к таким популярным темам как, например, происхождение Земли, эволюция человека, астрономия. Издательства пытались удовлетворить возникший спрос, в связи с чем еще до революции появились многочисленные научно-популярные журналы — дешевый и доступный источник информации; а также многочисленные серии недорогих книжных изданий. Косвенно о востребованности научных идей свидетельствует и рост популярности научной фантастики (хотя пик ее приходится на 1925–1928 гг.) — выходили в свет и переиздавались произведения, в которых шла речь о преобразующей роли науки и ученого, о покорении пространства, о победе над временем, выработывании энергии, создании нового человека. По словам А. Банерджи, научная фантастика не случайно получила распространение в стране, «сильно отстававшей в научно-техническом развитии от Запада, но в то же время значительно опередившей Запад в размышлениях о прогрессе»: она стала своего рода «компенсаторным инструментом» для общества, не удовлетворенного своим уровнем модернизации [Banerjee, 2012, p. 1–2], так и механизмом адаптации научных идей для широкой читательской аудитории. Взлет научно-фантастической литературы способствовал распространению и популяризации научных идей в обществе [Krementsov, 2014, 19] и, с другой стороны, формировал сциентистский дискурс эпохи.

Напротив, судя по данным таблицы 2, не так велика в общем объеме книгоиздания была доля формальной, учебной литературы: она составляла 7,1%. Причина заключалась в том, что в эти годы указанный тип книг находился под пристальным вниманием. Требования ужесточились с 1922 г. Согласно Постановлению СНК от 2 марта на публикацию учебных пособий требовалось получение особого разрешения из Государственного ученого совета (ГУСа), а их приоритетное печатание сосредотачивалось в Госиздате. Срок рассмотрения учебного пособия в одном из советов ГУСа — Научно-политическом, Научно-техническом или Научно-педагогическом — составлял 140 дней. В случае отказа Госиздата от публикации книги автор мог публиковать ее в одном из кооперативных или частных издательств на свое усмотрение, получив соответствующую справку из ГУСа⁶. Однако часто этот срок

⁵ ГА РФ. Ф. Р-395. Оп. 6. Д. 34. Л. 2–2 об.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-395. Оп. 9. Д. 280. Л. 2–2 об.

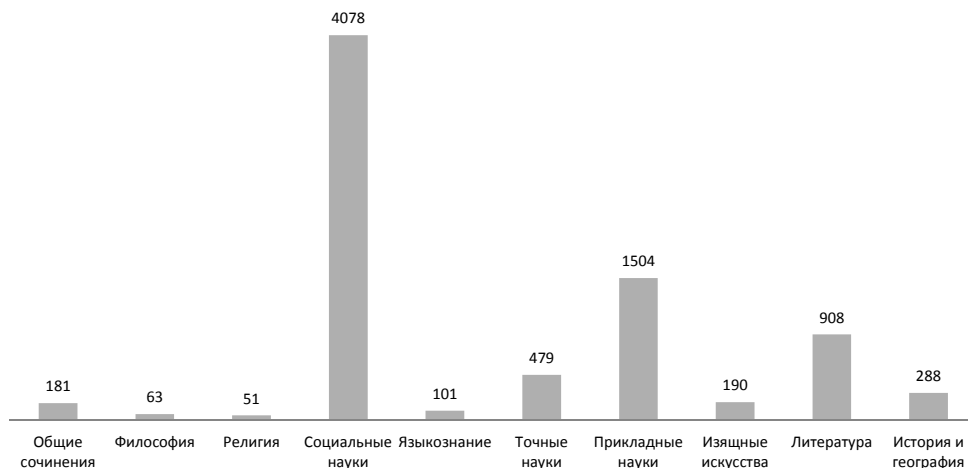
затягивался и автор по факту так и не получал однозначного ответа, не имея возможности обратиться в другое, альтернативное, издательство. Среди книг этого периода, попавших под категорию «учебников» и не рекомендованных к изданию, — одна из последних монографий Н. И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» [Долгова, 2012], книги «Психология без всякой метафизики» А. И. Введенского (переиздание, так и не была опубликована) и «Введение в экспериментальную психологию» Г. И. Челпанова (переиздание последней состоялось в 1924 г.), и т. д. (один из обнаруженных перечней книг составлял более 1200 наименований по трем секциям ГУСа⁷). Сохранились письма и заявления авторов запрещенных книг, оспаривающие решение ГУСа с точки зрения отсутствия в книгах «неприемлемых с политической точки зрения мест» [Долгова, 2012]. Однако, на наш взгляд, в указанный период более продуктивной стратегией для них могло быть изменение формы презентации научного знания, а именно — отказ от издания книги в виде «учебного пособия».

Установив удельный вес научной литературы в общем объеме книгоиздания, ответим на вопрос о ее дисциплинарном распределении.

Дисциплинарное распределение научного книгоиздания

Попробуем ответить на вопрос, каково было дисциплинарное распределение научных книг. Данные Регистрационного центра Российской центральной книжной палаты о содержании книг за 1922 г. дают следующий ответ, графически отраженный в диаграмме 2.

Диаграмма 2. Распределение научной литературы по отраслям знания: 1922 г.

Источник: [Статистические материалы, 1924, с. 15–20], а также: Положение, протоколы заседаний, отчеты, распоряжения, справки, списки сотрудников и другие материалы о деятельности Российской центральной книжной палаты, 6 февраля — 11 октября 1922 г.⁸

⁷ ГА РФ. Ф. Р-4085. Оп. 12. Д. 683.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

Как показывает диаграмма 2, при распределении книг по отделам принятой в то время «десятичной системы» первое место занимали книги по социальным наукам. Из общего числа книг и брошюр, зарегистрированных «Книжной летописью» в 1922 г. в количестве 7843 печ. ед., на долю социальных наук приходилось 4078 (51,7%) всей книжной продукции. Второе место занимали книги по прикладным наукам — 1504 печ. ед. (19,2%) всей продукции. Далее следовали: художественная литература (908 печ. ед. — 11,7%), точные науки (476 печ. ед. — 6,1%), история и география (288 печ. ед. — 3,8%), искусство (190 печ. ед. — 2,5%), общие сочинения (181 печ. ед. — 2,3%), языкознание (101 печ. ед. — 1,3%), философия (63 печ. ед. — 0,8%) и на последнем месте — религия (51 печ. ед. — 0,6%).

Преобладание книг по социальным наукам, на первый взгляд, совершенно естественное, на самом деле требует пояснения: в их число в статистических расчетах были включены всякого рода официальные издания (приказы, распоряжения, циркуляры). Насколько был велик удельный вес ведомственной литературы, можно судить по таблице 2, где она выделена в особую графу.

Вполне объяснимо преобладание литературы по прикладным наукам — техническим, медицине, педагогике, агрономии и т. д. Во-первых, именно эти дисциплины находились в приоритете субсидирования. Так, известно высказывание члена коллегии Научного отдела Наркомпроса М. Г. Шапиро, на одном из заседаний совета подчеркнувшего, что «следует поддерживать те научные начинания, которые непосредственно займутся разработкой заданий данного политического момента, каковой лежит в области экономики и педагогики», а также что «ввиду истощенности казны следует на ближайшие два-три года в первую очередь финансировать те научные начинания, которые могут более или менее непосредственно оплодотворить практическую работу по государственному строительству»⁹. Во-вторых, сама тематика прикладных исследований была актуальна: она соотносилась как с читательскими интересами, так и с векторами просветительской политики. В-третьих — в более узком смысле — например, представители «наук о жизни» в количественном отношении в исследуемый период просто численно доминировали в дисциплинарной структуре научного сообщества: особенно это касалось медицинских работников («зауряд-врачей»), подготовленных в ускоренном и массовом порядке в годы Первой мировой войны. Влияние открытий и разработок биомедицины на общественную мысль было так велико, что некоторые исследователи называют первую половину 1920-х гг. опытом «биологической гибридизации» [Маликова, 2006] и говорят о биомедицинском дискурсе эпохи [Krementsov, 2014].

По сравнению с дореволюционными годами обращает внимание незначительное количество книг по религиоведению: до 1914 г. оно колебалось между 5 и 10%, а в 1922 г., как уже было отмечено, составило всего 0,6%, причем преобладающую часть и этого объема составляла, в том числе, антирелигиозная литература. Эти показатели соотносятся с историографическими выводами о растущей атеизации и пропаганде антирелигиозных идей в исследуемый период [Сидорчук, 2018].

Интересные результаты дает анализ дисциплинарного распределения научных книг в зависимости от места издания.

⁹ ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 199. Л. 88–88 об.

Территориальное распределение научного книгоиздания

Интересной дополняющей характеристикой представляется территориальный разрез научного книгоиздания. Диаграммы 4–6 графически его иллюстрируют, раскрывая специфику публикации научной книги в Петрограде, Москве и провинции в 1922 г. (под последней в источнике понималась территория РСФСР без Москвы и Петрограда).

Как показывает диаграмма 4, в Москве и провинции преобладала литература, относящаяся к разделу социальных наук: в Москве она поглощала 50,4% всей продукции, а в провинции — 65,1%. Это объяснялось сосредоточением в Москве центральных государственных, партийных или профессиональных учреждений, развивавших значительную издательскую деятельность; в провинции — тем фактом, что издательской деятельностью по преимуществу почти монопольно занимались административные, партийные, профессиональные организации. Велик в Москве и провинции был и объем литературы по прикладным наукам: в Москве — 20,7%, в провинции — 16,6% всей продукции. В Петрограде же, напротив, в общем объеме научного книгоиздания количественно доминировала литература по библиографии, философии, религии, языкознанию, чистым наукам, искусству, литературе, истории и географии. Разрыв с Москвой в этом отношении составлял 1,5–3 раза. Это в том числе объяснялось «академическим» статусом Петрограда: до перевода в 1934 г. Академии наук СССР в Москву он оставался неофициальной «научной столицей» и, согласно действовавшему на тот момент Уставу Российской академии наук, местом сосредоточения академиков и центром академической инфраструктуры (в т. ч. издательской). Анализ дисциплинарной структуры Москвы свидетельствует о преимущественно «прикладном» характере московской науки. В этом отношении изучение столичной научной карты может быть актуально с позиции анализа возможностей и потенциала «мобилизационного» типа управления, нацеленного на преимущественное внимание к стратегически важным отраслям того периода (технике, биомедицине, сельскому хозяйству, прикладной экономике, общественным дисциплинам по сравнению, например, с гуманитарными науками). Налицо и дисциплинарная сегментация в области гуманитарных наук — «москвичи» были представлены в прикладной экономике, в поле общественных дисциплин (это будет коррелировать и с более высоким уровнем партийности столичных ученых, и с характером учрежденных новых институций — именно в Москве появился в 1921 г. Институт красной профессуры).

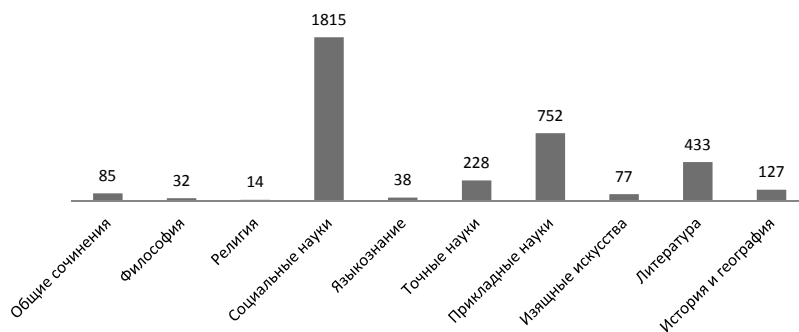
Исторический кейс: тематический план издательства З. И. Гржебина (май 1919 — июнь 1921 г.)

Какие же темы и сюжеты были востребованы научным книгоизданием в исследуемые годы, и насколько была велика роль идеологического компонента при формировании издательских программ? В качестве любопытного исторического кейса охарактеризуем документацию издательства З. И. Гржебина, действовавшего в Петрограде в 1919–1923 гг. Специфика издательства — в его «подставном» характере: по факту, оно действовало под контролем правительства, хотя и было оформлено на частное лицо. В письме Максима Горького заведующему Госиздатом

Диаграммы 4–6. Территориальное распределение научного книгоиздания:
1922 г.: Москва, Петроград, провинция

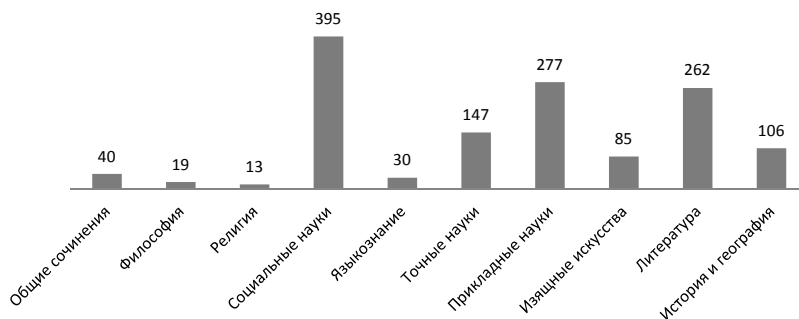
Распределение книг по отделам десятичной системы
и по группам городов.

Москва — 3,601 книга

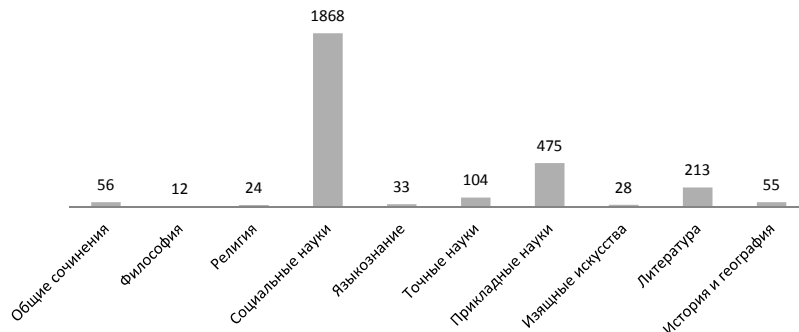
Распределение книг по отделам десятичной системы
и по группам городов.

Петроград — 1,374 книги

Распределение книг по отделам десятичной системы
и по группам городов.

Провинция — 2,868 книг

В. В. Воровскому от 21 мая 1919 г. отмечалось: «В России нет возможности печатать книги: типографская техника расшатана, рабочих рук — мало, бумаги — нет, топлива — нет. В результате всего этого — нет книг... Мой приятель Зиновий Исаевич Гржебин предлагает печатать книги за границей. Финляндия и Швеция не дают бумаги, но печатать — будут. Ни та, ни другая не войдут в сношения с Советской властью, но войдут в таковые с частным лицом»¹⁰. Не останавливаясь на страницах истории «Издательства З. И. Гржебина» (скупке рукописей, возникших впоследствии финансовом конфликте издательства и Госиздата, фактическом разорении З. И. Гржебина и его смерти в эмиграции), обратимся к имеющемуся в нашем распоряжении тематическому плану издательства. В новом, «просоветском» издательстве логично должна была публиковаться довольно специфичная литература по социальным и гуманитарным наукам, затрагивающая определенный круг тем и сюжетов, написанная с особой тональностью. Однако было ли это так?

Издательские программы за май 1919 — июнь 1921 г. показывают, что по делу гуманитарных наук предполагалась публикация научно-популярных книг и научно-популярных биографий по сюжетам, скорее продолжавшим тематику переизданных в новой редакции знаменитых «павленковских» изданий: «История возникновения и развития Русского государства», «История развития русской промышленности» (в том числе на примере промышленников Строгановых), «Организация русской церкви, ее деятели» (Феодосий Печерский, Сергей Радонежский, «Старообрядческие подвижники», «Основатели сект», Победоносцев и др.), «Деятели культуры, творцы революционной и социалистической эпохи» (к последним наряду с П. И. Пестелем, П. Я. Чаадаевым, В. И. Лениным относились Т. Гоббс, Н. Макиавелли, Т. Компанелла, П. Лассаль, а также А. Л. Ордин-Нащокин, Артамон Матвеев, Василий Голицын), «Люди революционного дела, вожди народа» (Ермак, И. Болотников, С. Разин, «поп Гапон», «лейтенант Шмидт» и др.), «Историки России» (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, П. Н. Милюков, П. Г. Виноградов и др.), «История книги» (И. Гутенберг, Ф. Ф. Павленков, И. Д. Сытин, Ф.-А. Брокгауз и др.), «Исследователи языка» (В. И. Даль, А. Ф. Потебня, И. П. Котляревский и др.), «Биографии художников», «Биографии педагогов» и другие популярные серии¹¹. Как представляется, тематический план издательства преследовал скорее не идеологические, а просветительские цели, подчиняясь тенденции первых постреволюционных лет — популяризации научного знания. Косвенно об этом свидетельствует и состав экспертного совета отдела: в него входили ученые «старой» школы: И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рождественская, С. А. Жебелев, Б. Л. Модзалевский, С. Ф. Платонов, Э. Л. Радлов, А. А. Шахматов¹². Безусловно, при включении в круг авторов и рецензентов издательства в это нелегкое в экономическом отношении время действовал и принцип сетевых связей — знакомств и контактов, однако именно при работе над их текстами закладывались основы, формировался и накапливался опыт редакционно-издательской подготовки научно-популярных книг в новых социальных условиях. В этом отношении скорее фиксируется преемственность дореволюционной просветительской инициативы, а не идеологическая деформация.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-395. Оп. 10. Д. 44. Л. 1.

¹¹ См.: Там же. Л. 8–13.

¹² Там же. Л. 121.

Заключение

Таким образом, в исследуемый период фиксируется изменение характера, форм и практик презентации науки, а именно ее узкой отрасли — научной печати. Изменения научного книгоиздания были связаны как с текущими экономическими и политическими проблемами (самой малой из них был фактор «бумажного голода»), так и с принципом государственного регулирования — субсидированием, практикой утверждения издательских программ Госиздатом и усилением роли последнего по сравнению с частными и кооперативными издательствами. Однако происходящие в научном книгоиздании процессы нельзя сводить к политическому (идеологическому) компоненту. Специфику периода формировало тесное переплетение общественной просветительской инициативы, государственной политики и фактора литературного рынка (читательского запроса). Увеличение роли научного и научно-популярного книгоиздания в общем удельном весе книг, а также их тематические и дисциплинарные приоритеты свидетельствуют о трансформации роли науки, ее обращении к читательской аудитории, с одной стороны, и о продолжении дореволюционных просветительских тенденций, с другой. Приобретение наукой публичного характера влекло за собой изменение роли ученого и характера его взаимодействия с аудиторией. Перспективным в этом отношении является изучение созданных в эти годы научных текстов с точки зрения их языка, обращенного к новому читателю.

Источники

- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-395. Оп. 10. Д. 44.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-395. Оп. 6. Д. 34.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-395. Оп. 9. Д. 280.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-4085. Оп. 12. Д. 683.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-395. Оп. 9. Д. 27.
Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 261. К. 1. Д. 11.

Литература

- Абрамов Р.* Популяризация науки в СССР как элемент культурной политики // *Время, вперед! Культурная политика в СССР* / ред. И. В. Глушенко, В. А. Куренной. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 161–177.
- Долгова Е. А.* Из истории издания работы Н. И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1922–1924) // *Вестник архивиста*. 2012. № 1. С. 239–245.
- Кареев Н. И.* Великая Французская революция. Пг.: Т-во А. Ф. Маркс, [1918]. 418 с.
- Маликова М.* НЭП как опыт социально-биологической гибридизации // *Отечественные записки*. 2006. № 1. С. 175–192.
- Статистические материалы по печатной продукции РСФСР в 1922 г.: [по данным издания «Книжная летопись»] // *Печать РСФСР в 1922 году*. М.: Госиздат, [1924]. 70 с.
- Andrews J. T.* Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917–1934. UK: College Station, 2003. 234 p.

Banerjee A. We Modern People: Science Fiction and the Making of Russian Modernity. Middletown: University press, 2012. 206 p.

Kremensov N. Revolutionary Experiments: the Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction. UK: Oxford university press, 2014. 268 p.

Scientific knowledge in the Revolution: Books and Publishers at the Turn of the 1920s

EVGENIYA A. DOLGOVA

Associate professor, Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia
e-mail: medievalis@list.ru

The article analyzes the changes in the specificity and presentation of scientific knowledge in the first post-revolutionary years. The research is carried out by means of the methods of scientometrics. Statistical analysis of published books for this period based on the published data of the Russian Central book chamber allowed to characterize the dynamics of scientific publishing and the distribution of scientific publications in the territorial (Moscow — Petrograd — province), disciplinary, thematic, social and other divisions. The activity of publishing houses under the influence of economic difficulties and state regulation (subsidies) changed and acquired special, specific features. The increase in the number of scientific and popular books testifies to the transformation of the role of science, its appeal to the readership. On the one hand, it was a continuation of pre-revolutionary educational trends. On the other hand, it corresponded to the policy of the new government. The acquisition of a public character by science entailed a change in the role of the scientist and the specificity of his interaction with the readership. The author highlights the interaction of public education initiatives, public policy and the reader's request factor at that time. The article is accompanied by tables, graphs and charts.

Keywords: book publishing, scientific publications, publishing houses, sponsorship, educational initiatives.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (RSF) according to the research grant No. 17-78-10202.

References

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation], f. R 395, op. 10, d. 44 (in Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation], f. R 395, op. 6, d. 34 (in Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation], f. R 395, op. 9, d. 280 (in Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation], f. R 4085, op. 12, d. 683 (in Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation], f. R 395, op. 9, d. 27 (in Russian).

Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki [Research Department of manuscripts of Russian state library], f. 261, op. 1, d. 11 (in Russian).

Abramov R. (2013). "Populyarizatsiya nauki v SSSR kak element kul'turnoy politiki" [Popularization of science in the USSR as an element of cultural policy], in: *Vremya, vpered! Kul'turnaya politika v SSSR* [Time, go! Cultural policy in the Soviet Union], Moskva: NIU VSHE, pp. 161–177 (in Russian).

Andrews J. T. (2003). *Science for the masses: The Bolshevik State, Public Science and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917–1934*. UK: College Station, 234 p.

Banerjee A. (2012). *We Modern People: Science Fiction and the Making of Russian Modernity*. Middletown: University press, 206 p.

Dolgova E. (2012). "Iz istorii izdaniya raboty N. I. Kareyeva «Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk» (1922–1924)" [From the history of the publication of the work by N. I. Kareev "General methodology of the humanities" (1922–1924)], *Vestnik arkhivista*, no. 1, pp. 239–245 (in Russian).

Kareev N. (1918). *Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya* [The Great French Revolution], Petrograd: T-vo A. F. Marks, [1918], 418 p. (in Russian).

Krementsov N. (2014). *Revolutionary Experiments: the Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction*. UK: Oxford university press, 268 p.

Malikova M. (2006). "NEP kak opyt social'no-biologicheskoy gibridizatsii" [NEP as an experience of political hybridization], *Otechestvennye zapiski*, no. 1, pp. 175–192 (in Russian).

Statisticheskiye materialy po pechatnoy produkcii RSFSR v 1922 g. [Statistical materials on printed products of RSFSR in 1922] (1924), in: *Pechat v RSFSR v 1922 godu*. [Book publishing in RSFSR in 1922], Moskva: Gosizdat, 70 p. (in Russian).